

ВПРОЧЕМ, ЕСТЬ ЕЩЁ НЕБО...

Пьяный морок, бесы на Каширке,
выпьешь с грамм, а видишь до черта:
чайка в пене, парень в бескозырке —
это море, я о нем читал...

Выпьешь сто и тут же — оперетта:
я люблю вас, фрау, тюрлили...
Свет из арки, прядь из-под берета —
это юность, мы ее прошли...

Пушкинская площадь, черный гений,
ария фонтана — тюрлюлю...
Свет из света, штопка на колене —
это Оля, я ее люблю...

Белорусский... Оленька, куда ты?
Пошехонье: инда да надьсь...
Проститутки, беженцы, солдаты —
это горе, мы с ним разошлись...

—Полетим? — и зубы в три октавы.
—Воспарим? — и очи наповал.
Свет картавый, тамбур кучерявый —
это воля, я ее искал.

* * *

Бродя по временам, перемахнувши через
ограду из веков, во множестве судеб
я высмотрел две-три: неспешная вечеря,
пригублено вино, но не преломлен хлеб;
да и куда спешить: Исаяя дремлет рядом
с Бояном, а Лука — с Ионой, и при них
два мальчика, трудясь под цепким их приглядом —
Гомер и Велимир — заквашивают стих,
и чадно потому, и — «Приоткройте двери!» —
свирепствует Лука, и, по-варяжски хмур,
славянскую тоску срывает на Гомере
воинственный Боян: «Масоны, перекур!»;

и тянутся века, и, опершись на доски
судьбы, два пацана сквозь пленочку вина
глядят, как в мастерской Иеронима Босха,
среди его шутов, нашла меня жена...

* * *

—...лети, говорю, отселе,
туда, говорю, куда
ходила за Моисеем
рождественская звезда,

лети, говорю, голубка,
туда, говорю, лети,
где камушки первопутка
евангельского пути,

лети, говорю, чтоб прямо
на тот Моисеев свет,
что семечком Авраама
был пролит на Назарет,

лети, говорю, из дома,
оставь, наставляю, дом,
где семечком из Содома
разбужен его содом,

лети, говорю, голубка, —
в рождественский вечерок
доставши из полушубка
оливковый черенок...

СОВЕТСКИЙ АПОКРИФ

На площади, в полуденной Москве,
там, где Россия, Лета, Лорелея,
дитя прованское — мелодия Массне —
мечтала к маковке, а вышло — к Мавзолею.

Вошла — на цыпочках и, взором обведя
солдатика — при пушке и при ленте, —
подув на прах, стучится в сон вождя,
не ведая, что сон сей перманентен...

Чем ей помочь, француженке, в глуши,
обитой мрамором? Что ей внушит, глупышке,
державное биение души
в сердцебиеньи полицейской вышки?

Что я скажу ей, что ей скажешь ты,
когда и нас, и прах передержали,
как брагу — до сивушной кислоты —
Москва-разлучница и сводница-держава?..

ДЕВИЧИЙ АПОКРИФ

«Отче! — твержу, выкликаючи батюшку — Мати!» —
к Матери Божьей с утра обращаю свой всхлип...
Ангел влетел — привяжу его к ножке кровати.
«Чив», — он мне скажет, а я и отвечу: «Цып-цып»;

«Цыц», — говорю каптенармусу танковой роты,
«Прочь», — говорю стихотворцу, смутителю чувств:
Ангел со мной, и покуда при мне не помрет он,
Ангелом быть научусь...

* * *

Ветер, с ветлою играющий,
солнечный зайчик в руке,
город, светло умирающий
в выпотрошенном городке...

Ласточка тьму занавесила,
туча накрыла окно...
Холодно, голодно, весело,
зло, неприютно, темно;

родина, песнь, Простоквашино —
глупому сердцу вдогон
сохнет рубаха папашина,
матушкин гаснет кулон;

братова кепочка — чудится —
пуговкой метит в висок...
Родина, росстань, распутица,
радости на волосок...

Чудится, верится, блазнится —
Лермонтов как завещал,
лонюшко девятиклассницы
ангел вчера посещал...

—Кыш, — наступала учительша.
Ангел молил: — Допусти...
Родина — бублик от Китежа
с маковой дыркой в персти...

Смерть запекает в скворешенке:
смесью из мглы и чернил
лонище библиотекарши
блоковский том опалил —

после проквашенной осени —
личиком бледным светя,
явится радость Иосифу —
спрятать в пещерке дитя...

* * *

Просыпаться не стоит — в империи запах распада,
в дланях мухинской пары — осколок стрелы Вельзевула,
золотник тупика... — пролетарий подался в кидалы,
огородница — та в продавщицах, и косит ценою,
как серпом, за трусы из проснувшегося Китая;

просыпаться не стоит — Распутин на стенах Путивля
причитает, Проханов, Чечню от жида поочистив,
ловит бабочек — прыгает через останки
тех ребят, о которых напишет, на бабочку глядя...

впрочем, есть еще небо, дорога, трава у забора
и кидала, хватающийся за сердце,
потому что по сердцу его пробежала с серпом продавщица,
«Бля, весна», — восклицая, и ты — «Бля, весна!» — разрыдайся...

* * *

...и покуда со свечами
топчет паперть партактив,
и вчерашние сельчане —
в тачках — на аперитив
мчат, и всяк из них не лыком
шит, но лыком перешит,
и покуда гоп со смыком
нас с тобой не порешит, —

музыка гремит покуда,
обходясь музыки без —
шаркнем ножкою у чуда
из отлаженных чудес:

из подкрашенного парка,
из спасенных им берез
кажет вспыхнувшая арка
резервацию из слез:

из починенного крана,
из нелатаных корыт
штопка рдяного фонтана
в нашу штопку норовит
поцелуем ткнуться, чтобы —
как бы ни кричать ей «фу» —
страсть ее испанской пробы
переладила б строфу
на дыхание и шепот —
чтобы весь наш тарарам
перешить да перештопать
к будущим похоронам...

* * *

Потому и форточку прикрою,
чтобы Ты гонца не слал за мной —
залитый рождественскою кровью,
выжженный пасхальною землей,
сбитый братом, поднятый соседом,
званный чернью, кликнутый Отцом...
Не дыши в лицо мне черным снегом,
конским потом, козым молоком...

* * *

В этом доме тень моя с корешок,
золотая дума моя с вершок:

октябренок-чубчик из-под стола...
В этом доме книжка моя жила:

золотая бабушка над плитой,
золотой мой дед под ее пятой

(золотая пяточка с золотым
ноготком над дедушкой молодым),

золотой мой батюшка: нырк в вино,
золотая матушка: зырк в окно

(и не видит батюшка, как над ним
кулачком ругаются золотым);

золотая дума моя сквозь кровь
прогоняет рифмочку «кровь-любовь»,

золотая песенка — золотой
мой стишок на корточках с запятой:

золотым смущением завитой,
до краев прощанием налитой...

* * *

...а там, где шторочка приспущена —
у телерадиокостра,
уже докушавшего Пушкина,
моя — по батюшке — сестра,

и там, где шторочка задернута —
с ней не согласная, видна,
в бассейны саун позавернута,
моя — по дьяволу — жена...

С позавчерашнего опухшие,
они порезали мне грудь,

чтоб уголек от книжки Пушкина
хотя б к предсердию приткнуть...

Жена, сестра... — окошко в шторочке,
простор, оплаканный на треть,
мой крест, на все четыре стороны
меня наладивший реветь:

страна людей, ворон считающих,
вот мы и встретились в стране
людей, Сорокина читающих —
на чужедальной стороне...

* * *

...случайное замыканье
смыкающих даль зарниц,
печальное заиканье
рассохшихся половиц;

очнешься, пройдешь чрез сени
и сгинешь во тьме веков
на доньшках сочинений
бесчисленных мотыльков;

очнешься, пройдешь меж грядок,
ключицею угадав,
каков на земле порядок
у Господа в мире трав;

очнешься, глаза поднимешь —
уверишься: Волопас
и Веспер, и иже ними —
для Господа и для нас;

надышанное соседство
в немолкнувшей пре менад,
отлаженный подле сердца
тургеневский променад;

гремит меж подойных ведер,
взывая «кому повем
печаль свою?» голубь Федор,
не ведая прочих тем,

и задницей ли, плечом ли
выкатывает на риск,
как пушку — твою печенку
толстовский артиллерист, —

и коли ты стерпишь это,
столетняя тишина
кивнет тебе гласом Фета
и шепотом Шеншина...